

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.
Издание Ф. Павленкова.

ОЧЕРКЪ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
СЕМЬИ И СОБСТВЕННОСТИ,

М. Ковалевского.

ЛЕКЦИИ,

ЧИТАННЫЯ ВЪ СТОКГОЛЬМСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЕ.

Переводъ съ французскаго М. Йолцина.

Второе издание.

Цена 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Февраля 1896 г.

ПАМЯТИ

Софии Васильевны

Ковалевской.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТР.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА	VII—VIII
ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА	IX
ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ. Первый періодъ въ эволюціи семьи.—Матріархальная семья и ея составные элементы.	11—27
ВТОРАЯ ЛЕКЦІЯ. Существовала-ли матріархальная семья у арійскихъ народовъ?	27—37
ТРЕТЬЯ ЛЕКЦІЯ. Причины разложенія матріархальной семьи. .	37—43
ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦІЯ. Первобытный коммунізмъ и происхождение частной движимой собственности.	43—52
ПЯТАЯ ЛЕКЦІЯ. Второй періодъ въ эволюціи семьи.—Патріархальная семья и ея основные элементы.	52—57
ШЕСТАЯ ЛЕКЦІЯ. Патріархальная семья и ея связь съ культомъ предковъ.	57—67
СЕДЬМАЯ ЛЕКЦІЯ. Патріархальная семья и ея связь съ поземельнымъ коммунізмомъ.	68—80
ВОСЬМАЯ ЛЕКЦІЯ. Патріархальная семья и ея вліяніе на эволюцію единоженства.	80—89
ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦІЯ. Эволюція отеческой власти.	90—98
ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦІЯ. Причины и послѣдствія распаденія патріархальной семьи.	99—108
ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦІЯ. Третій періодъ въ эволюціи семьи.—Індивидуальная семья и ея основные элементы. . .	108—115
ДВѢНАДЦАТАЯ ЛЕКЦІЯ. (Продолженіе) Дальнѣйшая эволюція власти мужа и отца.	115—123
ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦІЯ. Сельская сосѣдская община и ея эволюція по мѣрѣ распаденія семейной общини.	124—137
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦІЯ. Русский «миръ» и причины его разложения.	137—143
ПЯТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦІЯ. Сельскаясосѣдская община въ Европѣ и причины ея разложения.	143—150

Предисловіе автора къ французскому изданію.

За послѣдніе годы такъ много писали о происхожденіи семьи и собственности, что появленіе новаго сочиненія на эту тему можетъ быть оправдано въ томъ только случаѣ, если оно хоть нѣсколько разъясняетъ эти спорные вопросы:— сообщаетъ новыя этнографическія, историческія и юридическія данныя или представляетъ изъ себя тщательную критику господствующихъ теорій. Эту послѣднюю цѣль и преслѣдовалъ авторъ настоящаго «Очерка». Онъ не столько думалъ объ анализѣ фактovъ, сколько о синтезѣ выводовъ, уже сдѣланныхъ этнографіей. Знакомство съ бытомъ славянъ и кавказскихъ горцевъ дало ему возможность разрѣшить крайне интересовавшій его вопросъ о существованіи матріархата у арійцевъ, а также привести нѣсколько новыхъ данныхъ въ подтвержденіе и другихъ гипотезъ, уже высказанныхъ его предшественниками.

Отвергая господство вполнѣ безпорядочнаго полового общенія у первобытнаго человѣчества, авторъ пытался доказать, что матріархальная, патріархальная и индивидуальная семья были тремя преемственными фазами одного и того-же развитія. Эта эволюція совершилась или стремится совершиться у народовъ, принадлежащихъ къ различнымъ расамъ и исповѣдующихъ различные религіи. Нѣть, слѣдовательно, никакого основанія думать, что матріархатъ не существовалъ у арійскихъ народовъ. Въ ихъ древнихъ законахъ и современныхъ обычаяхъ и обыкновеніяхъ находятся, къ тому-же, слѣды его господства. Власть мужа и отца медленно развилась въ матріархальномъ обществѣ. Ея отвержденіе привело къ установлению патріархальной семьи, которая, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ міръ славянъ, постепенно распалась на индивидуальныя семьи.

Будучи принужденъ въ теченіе немногихъ лекцій изложить всю исторію поземельной собственности, авторъ не могъ дать вполнѣ законченного описанія ея древнійшаго періода и потому считаетъ нужнымъ замѣтить, что за болѣе подробными свѣдѣніями можно обратиться къ другой его книгѣ «Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія» (1879), а также къ его многочисленнымъ статьямъ въ «Юридическомъ Вѣстнике», являющимся дополненіемъ къ только-что названному сочиненію. Въ этихъ статьяхъ авторъ съ помощью богатаго матеріала нѣмецкихъ хартиларіевъ подробно разсмотрѣлъ теорію Фюстель де-Кулланжа объ историческомъ первенствѣ частной собственности. Въ нихъ-же можно найти и всѣ факты, на которыхъ авторъ этой книги основалъ свою теорію самопроизвольнаго развитія общинного землевладѣнія въ патріархальномъ обществѣ и не менѣе естественнаго расцвѣта частной собственности по мѣрѣ разложенія семейной и сосѣдской общины.

Максимъ Ковалевскій.

Beaulieu sur Mer, Villa Batava.

1-го мая 1890 г.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА

Любезно разрѣшая мнѣ перевести этотъ «Очеркъ»,
Максимъ Максимовичъ Ковалевскій выразилъ желаніе,
чтобы за нимъ былъ сохраненъ «характеръ лекцій»,
а также, чтобы было известно, что переводъ
предпринять не по его почину и безъ его участія.

ОЧЕРКЪ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕМЬИ И СОБСТВЕННОСТИ.

Первая лекція.

Я долго не рѣшался принять любезное предложение устроителей настоящихъ бесѣдъ. Мы, русскіе, вѣдь привыкли видѣть въ Швеціи одну изъ наиболѣе просвѣщенныхъ странъ, гдѣ намъ приходится скорѣе учиться, чѣмъ учить. Нужно, кромѣ того, замѣтить, что мнѣ предстоитъ прочесть этотъ курсъ по-французски, а всякому пзвѣстно, что красно говорить можно лишь на своемъ родномъ языкѣ.

Если, тѣмъ не менѣе, я позволилъ себѣ выступить передъ вами, то сдѣлалъ это потому, что надѣялся обратить ваше благосклонное вниманіе на неизвѣстные вамъ результаты моихъ продолжительныхъ изслѣдований.

Снисходя къ моему патріотизму, вы конечно позволите мнѣ заявить, что славяновѣдѣніе представляетъ громадный интересъ для исторіи права.

Къ сожалѣнію, въ западной Европѣ пока еще очень мало занимаются этой отраслью знанія. Посвященные ей каѳедры хорошо обставлены лишь въ пѣсколькихъ университетскихъ центрахъ, а именно, въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Упсалѣ. Занятые такими выдающимися филологами, какъ Ягичъ, Лежэ и Люндell, они уже проливаются много свѣта на филологическую конструкцію и исторію славянскихъ языковъ. Эти замѣчательные ученые не занимаются однако ни славянской исторіей, ни правомъ, и оба эти предмета попрежнему находятся въ полномъ пренебреженіи. Это крайне досадное явленіе болѣе, чѣмъ что-либо, замедляетъ дальнѣйшіе успѣхи соціальной науки. Пора, въ самомъ дѣлѣ, положить предѣлъ подобному порядку вещей, пора вывести изъ неизвѣстности многочисленныя труды русскихъ, польскихъ и сербскихъ изслѣдователей и такимъ образомъ предоставить въ распо-

раженіе западно-европейскихъ ученыхъ массу драгоцѣнныхъ данныхъ, содержащихся въ древнихъ законахъ и современныхъ обычаяхъ славянъ и русскихъ инородцевъ.

Вотъ, милостивые государи, цѣль, которую я постараюсь достичнуть, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніе, которое позволитъ мнѣ говорить здѣсь съ нѣкоторой самоувѣренностью.

Я сообщу вамъ новые выводы, которые сдѣлало обществознаніе, благодаря усилиямъ славянской мысли; никакія возраженія не разубѣдятъ меня въ томъ, что всѣ соціологическія обобщенія до тѣхъ поръ останутся неудовлетворительными, пока не будетъ изучена древняя жизнь Востока, ибо для того, чтобы положенія соціологіи сдѣлались очевидными, эта наука не должна пренебрегать никакими наблюденіями и опытами. Ея основатель Огюстъ Конть сдѣлалъ, по моему, большую ошибку, прия къ противоположному заключенію. Онъ основалъ свою стройную теорію на данныхъ, которыя не имѣли предполагаемаго имъ характера общности, такъ какъ одинъ только римско-католический міръ имѣлъ честь быть предметомъ его позитивнаго изслѣдованія. Всякая новая попытка установить соціологическія истины будетъ имѣть научное значеніе въ томъ лишь случаѣ, если въ поле нашихъ изысканій будетъ включенъ Востокъ и, въ особенности, міръ славянскихъ народовъ.

Прежде однако, чѣмъ коснуться общихъ положеній, нужно углубиться въ разсмотрѣніе основъ общежитія, историческое развитіе которого составить предметъ нашихъ будущихъ занятій.

Предметъ этотъ тѣсно соприкасается съ открытиемъ великаго закона эволюціи, которымъ Чарльзъ Дарвинъ обогатилъ біологію. Съ успѣхомъ примѣненное къ наблюденію общественныхъ явлений, это открытие стремится теперь распространить свое вліяніе или, лучше сказать, всецѣло охватить философію исторіи и науки о религіи, правѣ и нравственности. Помимо области теоретическихъ построеній идея эволюціи пріобрѣтаетъ все большее и большее практическое значеніе.

Въ наше время прогрессъ можетъ быть опредѣленъ, какъ непрерывное и самопроизвольное развитіе плодотворныхъ началъ, искони положенныхъ нашими предками. Мысль разомъ передѣлать что-бы то ни было, въ одинъ мигъ создать новый порядокъ вещей, новую религію или новую мораль не имѣть ничего общаго съ нашими взглядами.

Однако, если современная теорія эволюціи не допускаетъ крутыхъ переворотовъ въ общественной жизни, то она одинаково отрицаетъ возможность и устойчиваго порядка вещей. Настоящее кажется ей лишь условіемъ для наступленія будущаго, которое

должно въ значительной мѣрѣ измѣнить всѣ стороны нашего общежитія. Облегчить переходъ къ лучшему строю—вотъ великая задача, которую ставитъ себѣ эволюціонистская философія по отношенію къ практической жизни. Что касается до ея теоретическихъ стремленій, то она изучаетъ прошлое и настоящее, чтобы предвидѣть будущее.

Говоря о наиболѣе трудныхъ соціологическихъ вопросахъ—происхожденіи и развитіи семьи и собственности, я буду имѣть въ виду лишь эту послѣднюю, чисто-научную цѣль.

Для установленія своихъ теоретическихъ положеній школа эволюціонистовъ пользуется историко-сравнительнымъ методомъ. Примѣненный съ блестательнымъ успѣхомъ къ филологіи и истории религій, этотъ методъ еще не вполнѣ воспринятъ юристами. Его особенность состоитъ въ параллельномъ изученіи развитія формъ общежитія у различныхъ древнихъ и современныхъ народовъ, — изученіи, которое должно дать намъ общую формулу соціальной эволюціи.

Исходя изъ мысли, что человѣкъ повсюду является съ одинаковыми качествами, что потребности и способности различныхъ расъ отличаются другъ отъ друга лишь въ частностяхъ и что даже эти различія слаживаются по мѣрѣ того, какъ мы восходимъ къ первобытному состоянію человѣчества, сторонники историко-сравнительного метода смотрятъ на человѣческое общежитіе, какъ на нѣчто единое. Примѣняя этотъ методъ, мы не должны останавливаться на особенностяхъ проявленія какого нибудь закона общежитія у того или другого народа, у той или иной расы, но имѣть въ виду его общую эволюцію у всего человѣчества. Факты изъ истории отдельного народа должны при этомъ лишь постольку привлекать наше вниманіе, поскольку они освѣщаютъ эволюцію данного явленія вообще, т. е. повторяются въ жизни другихъ народовъ. Историко-сравнительный методъ болѣе заботится объ установленіи сходства, чѣмъ о выдѣленіи чертъ различія. Явленія имѣютъ для него тѣмъ большее значеніе, чѣмъ болѣе общий характеръ они носятъ. Его выводы тѣмъ болѣе достовѣрны, чѣмъ шире поле его наблюденій. Отсюда слѣдуетъ, что сравненіе не должно ограничиваться народами одной расы, одной группы языковъ или одной религіи. Мы конечно не отрицаемъ вліянія этихъ трехъ факторовъ на человѣческое общежитіе; мы готовы даже признать, что они лежатъ въ основѣ идей, учрежденій и нравовъ, но въ данномъ-то случаѣ пасъ должна интересовать совсѣмъ не эта сторона дѣла. Помимо всѣхъ этихъ вліяній, естественная общность людей, особенно замѣтная въ дѣятельности человѣчества, ведетъ къ полному сходству первыхъ стадій общественнаго развитія у самыхъ различныхъ и, притомъ, разноплеменныхъ народовъ.

Включая современныхъ дикарей и варваровъ въ число сравниваемыхъ обществъ, мы еще болѣе расширимъ область нашихъ наблюденій. Этнографія должна придти на помощь исторіи, и сравнительное изученіе расъ, еще находящихся въ первобытномъ состояніи, должно восполнить изслѣдованіе тѣхъ, которые либо исчезли съ лица земли, либо, быстро подвигаясь по пути прогресса, сохранили лишь смутное воспоминаніе о своемъ далекомъ прошломъ.

Противъ такого сліянія исторического и этнографического метода можно сказать очень многое. Находятся ли, въ самомъ дѣлѣ, современные дикари и варвары на первыхъ ступеняхъ развитія? Чѣмъ доказать, что ихъ нынѣшнее состояніе не обусловливается вырожденіемъ, примѣры котораго мы можемъ наблюдать на нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ народахъ?—Мы должны согласиться, что не всѣ формы быта дикарей и варваровъ присущи первобытному состоянію. Нѣкоторыя племена представляютъ изъ себя лишь незначительные, разсѣянные остатки народовъ, исчезнувшихъ, благодаря внутреннимъ раздорамъ и междуусобнымъ войнамъ. Признавай это Дарвинъ, онъ, конечно, не высказалъ бы своего невѣрнаго предположенія о существованіи индивидуальной семьи у первобытнаго человѣчества и въ подтвержденіе своихъ словъ не сталъ бы ссылаться на общежитіе нѣкоторыхъ, якобы крайне отсталыхъ племенъ Новой Голландіи.

Великій естественникъ и не подозрѣвалъ даже, что эти, въ его время еще мало изслѣдованныя племена—ничтожные обломки истребленныхъ народовъ, и что ихъ нынѣшній образъ жизни не можетъ поэтому воспроизвести ту фазу человѣческаго развитія, которая известна подъ названіемъ первобытнаго состоянія.

Изъ всего этого вы уже поняли, конечно, что въ начатомъ нами курсѣ мы будемъ придавать этнографическому методу лишь второстепенное значеніе.

Подобно варварству, дикое состояніе проходить черезъ нѣсколько различныхъ периодовъ, послѣдовательность которыхъ пока еще не установлена съ полной точностью. Для этого нужно сопоставить этнографическія данныя съ фактами изъ исторіи народовъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ общественнаго развитія. Историческій методъ долженъ въ этомъ случаѣ оказать этнографіи такую же услугу, на какую онъ самъ имѣть право разсчитывать съ ея стороны. Итакъ, одновременное пользованіе обоими методами обогатить изслѣдователя не только новыми наблюденіями, но и новыми теоріями.

Кромѣ этихъ двухъ, только-что охарактеризованныхъ методовъ, есть еще третій. Англійскій ученый Тэйлоръ назвалъ его *методомъ переживаний (survivals)*. Онъ состоить въ изученіи настоя-

шаго быта съ цѣлью открыть въ немъ слѣды прошлаго. Методъ этотъ основывается на томъ соображеніи, что смѣна одной системы общественныхъ отношеній другою не происходитъ мгновенно, что даже при торжествѣ новаго порядка вещей долго еще сохраняется въ видѣ обычаевъ, обыкновеній, обрядовъ и повѣрій болѣе или менѣе значительное количество пережитковъ. Большинство ихъ теряетъ всякий смыслъ или приобрѣтаетъ новое значеніе. Такъ, напримѣръ, общность женъ въ предѣлахъ одной группы родичей, характеризующая, какъ мы вскорѣ увидимъ, древнѣйшее состояніе половыхъ отношеній, объясняетъ намъ происхожденіе библейскаго обычая, состоявшаго въ обязательномъ сожительствѣ вдовы со своимъ деверемъ (левиромъ), т. е. съ братомъ своего покойнаго мужа.

Извѣстный подъ названіемъ *деверства* или *левирата*, этотъ обычай продержался цѣлые вѣка, благодаря тому, что нашелъ новое условіе для своего существованія въ позднѣйшемъ возрѣніи на женщину, какъ на объектъ права собственности. Вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ и вдова переходила по наслѣдству къ новому главѣ и представителю семейной общинѣ.

Переживанія старины не всегда играютъ одинаковую роль. Они являются то въ формѣ болѣе или менѣе жизненныхъ учрежденій, то въ видѣ безсмысленныхъ символовъ и формулъ.

Левиратъ до сихъ поръ еще имѣетъ реальное значеніе, тогда какъ разнообразные свадебные обряды, воспроизводящіе у многихъ народовъ древнюю умычку невѣсты, могутъ лишь напомнить о давно исчезнувшихъ обычаяхъ.

Методъ переживаній долженъ играть громадную роль при изслѣдованіи древнѣйшихъ учрежденій. Неизбѣжные пробѣлы въ относящихся къ нимъ историческихъ памятникахъ заставляютъ особенно высоко цѣнить его услуги. Сближеная прошлое съ архаическими чертами настоящаго, мы приходимъ къ возстановленію многихъ сторонъ человѣческаго общежитія на всѣхъ ступеняхъ его развитія, узнаемъ массу драгоцѣнныхъ подробностей и самыя наши данные становятся несравненно болѣе точными.

Я не буду настаивать на необходимости приводить современные переживанія въ соответствие съ историческими и этнографическими фактами для опредѣленія времени ихъ происхожденія. Это понятно само собою. Мы встрѣчаемъ здѣсь новый примѣръ плодотворнаго слянія соціологическихъ методовъ.

Каково устройство семьи въ древнѣйшую эпоху человѣческаго общежитія?

Если кто-нибудь захотѣлъ бы познакомиться съ прежней теоріей первобытной семьи, то онъ вполнѣ удовлетворилъ бы своему

любопытству, обратившись къ одному изъ многочисленныхъ руководствъ, которыми лѣтъ двадцать тому назадъ дарила свѣтъ ученая Германія въ началѣ каждого семестра. На 400—500 страницахъ большого формата важно трактовалось о неудовлетворительности объясненія, даннаго гипотезой общественного договора относительно происхожденія общежитія. Послѣ долгихъ разсужденій лекторъ приходилъ къ заключенію, что не могло быть подобнаго договора, что онъ выходитъ изъ предѣловъ возможнаго и не можетъ быть доказанъ исторически. Расчистивъ такимъ образомъ поле изслѣдованія, приступали къ построенію новой теоріи на яко-бы неопровержимыхъ документальныхъ данныхъ. Сославшись на римскаго юриста Гая съ его текстомъ о правахъ отца семейства и родовомъ устройствѣ италиковъ, а также на сбивчивыя извѣстія Цезаря и Тацита о бытѣ древнихъ германцевъ, уже считали доказаннымъ, что нынѣшняя индивидуальная семья существовала испоконъ вѣковъ и что именно изъ нея, изъ этой колыбели всѣхъ формъ общежитія произошелъ родъ и государство.

Простота и полное соотвѣтствіе этой гипотезы съ библейскими рассказами дѣлали ее нѣсколько правдоподобной. Съ легкой руки Гегеля, Аренса и Моля утверждалось въ наукѣ взглядъ, что такъ называемая патріархальная семья существовала уже въ древнѣйшія времена. Въ своемъ ослѣплѣніи не доходили, тѣмъ не менѣе, до огульного отрицанія данныхъ, указывающихъ на отсутствіе у многихъ древнихъ народовъ и современныхъ дикихъ племенъ постоянныхъ связей между супружами. Никто, впрочемъ, изъ цеховыхъ ученыхъ не обращалъ должнаго вниманія на это обстоятельство. Разсказы древнихъ историковъ и географовъ, какъ несогласные съ теоріей, признавались баснословными; что же касается свободы половыхъ отношеній у дикарей, то въ ней видѣли лишь досадное уклоненіе отъ «естественнѣй» чистоты нравовъ.

Недавно умершимъ Бахофену и Макѣ-Леннану принадлежитъ честь прекращенія этой вздорной болтовни. Они первые подорвали значеніе такъ называемой патріархальной теоріи; они первые показали, на какихъ фантастическихъ данныхъ она основывалась; они первые цѣлымъ рядомъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ опровергли существование индивидуальной семьи въ первобытный періодъ жизни человѣчества. Что всего удивительнѣе, оба эти новатора ничего не знали другъ о другѣ. Каждый изъ нихъ шелъ своимъ особымъ путемъ. Бахофенъ, глубоко изучившій классическій міръ, старался опредѣлить древнѣйшія формы общежитія при помощи сравнительной міоологии. Будучи убежденъ, что тѣ черты, которыми воображеніе народа надѣляло жизнь боговъ, заимствованы изъ его собственаго быта и что миѳы болѣе или менѣе непо-

движны, онъ пришелъ къ заключенію, что изъ нихъ-то и можно почерпнуть свѣдѣнія о доисторическомъ бытѣ античныхъ народовъ. Что касается Макъ-Леннана, то, преслѣдуя тѣ же цѣли, онъ прибѣгъ къ помощи этнографіи. По его мнѣнію, современное состояніе дикарей воспроизводить передъ нами бытъ нашихъ отдаленнѣйшихъ предковъ. Въ доказательство этого онъ указывалъ на чрезвычайное сходство между разсказами новѣйшихъ путешественниковъ и сообщеніями Геродота, Страбона и другихъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей.

Новой теоріи первобытной семьи не доставало однако подробнаго описанія родственныхъ и брачныхъ отношеній. Этотъ пробѣлъ былъ заполненъ трудами нѣсколькихъ лицъ, много лѣтъ прожившихъ среди дикарей и усвоившихъ ихъ нарѣчія. Изъ ихъ числа заслуживаютъ особаго упоминанія Льюисъ Морганъ, обстоятельно описавшій систему родства и форму брака у ирокезовъ, а также Физонъ, сообщившій намъ того же рода свѣдѣнія относительно австралійцевъ.

Предпріимчивости этихъ выдающихся умовъ мы обязаны наиболѣе удивительнымъ соціологическимъ открытиемъ нашего времени.

Мы знаемъ теперь, что вмѣсто нашей индивидуальной семьи съ ея системой супружескихъ и родственныхъ отношеній въ началѣ человѣческаго общежитія существовала *материнская* или *матріархальная семья*, не признававшая никакихъ другихъ связей кромѣ какъ между ребенкомъ, его матерью и ея родственниками по женской линіи.

Много поколѣній прошло другъ за другомъ, много едва очерченныхъ системъ померкло прежде, чѣмъ восторжествовала эта теорія. Истинная наука соглашается только съ очевидностью, факты же, на которые ссыпалась этнографія и исторія законодательствъ, были сначала столь сбивчивы и противорѣчивы, что казалось безразсуднымъ принять ихъ за основаніе при построеніи новой теоріи.

Нѣтъ, правда, ничего труднѣе изученія жизни того народа, соціальное и интеллектуальное состояніе котораго не имѣеть ничего общаго съ нашимъ собственнымъ. Случайный путешественникъ, наблюдатель болѣе или менѣе поверхностный,—а такими по отношенію къ варварамъ было большинство древнихъ писателей,—не въ состояніи попять истиннаго смысла первобытныхъ цивилизаций. Немудрено поэтому, что народныя разсказы о туземцахъ Нового Свѣта, Азии и Африки и отрывочные извѣстія греческихъ и римскихъ писателей о варвалахъ древности привели спачала къ отрицанію всякихъ семейныхъ связей у первобытнаго человѣка. Изслѣдователи, предвосхитившіе нѣкоторые положенія

современной теоріи, избѣгали указаній на какую бы то ни было правильность въ первобытныхъ отношеніяхъ между полами и для обозначенія ихъ употребляли такие термины, какъ—«безпорядочное половое общеніе» (*promiscuité*) и «гетеризмъ».

Это отрицаніе семейныхъ отношеній находится однако въ прямомъ противорѣчіи съ очень распространеннымъ и вполнѣ достовѣрнымъ явленіемъ, о которомъ упоминаютъ даже самые поверхностные изслѣдователи жизни дикарей и варваровъ. Я говорю о родствѣ по матери, иначе выражаясь, о признаніи постоянныхъ отношеній между ребенкомъ и его матерью.

Обычай дикарей требуетъ, чтобы новорожденный вошелъ въ группу, къ которой принадлежитъ его мать. Всѣ члены такой группы носятъ одно общее прозвище, обыкновенно название какого нибудь животнаго или растенія, которое, почитается за ихъ священнаго покровителя, за «тотемъ», по выражению океанійцевъ.

Вскорѣ послѣ открытія материнской семьи было сдѣлано другое, не менѣе важное. Я говорю о явленіи, которое недавно было названо *экзогаміей*, т. е. о запрещеніи входить въ половую связь другъ съ другомъ членамъ одной соціальной группы, носящимъ одно имя—знакъ ихъ дѣйствительного или предполагаемаго родства. Эти два явленія, — родство по матери и экзогамія, заставляютъ настѣнко усомниться въ существованіи безпорядочнаго полового сожитія, не знающаго никакихъ правилъ и исключений, которымъ Джонъ Лѣббокъ думалъ наградить дѣятельство человѣчества. Мало того, оба эти явленія позволяютъ намъ предполагать, что еще при самомъ зарожденіи человѣческихъ обществъ половыя отношенія не были предоставлены на усмотрѣніе отдельныхъ личностей, но были регулируемы обычаемъ, религіей и моралью.

Сравнительное изученіе соціальной жизни животныхъ открыло затѣмъ существованіе семейныхъ группъ у многихъ видовъ позвоночныхъ. Это открытіе тоже подвергло сомнѣнію гипотезу о господствѣ гетеризма у первобытнаго человѣчества.

Въ противоположность соціологамъ, послѣшившимъ навязать нашимъ предкамъ эту черту чисто животныхъ нравовъ, Дарвинъ раньше другихъ высказалъ мысль, что сами животныя не такъ равнодушны къ правиламъ поведенія, какъ это обыкновенно принято думать. Онъ доказалъ, что ихъ половыя связи настолько законосообразны, что заставляютъ думать о существованіи у нихъ семейныхъ отношеній, хотя и въ состояніи зародыша. Продолжая трудъ своего учителя, Эспинаса, Гузо и другие естественники собрали массу фактовъ, неоспоримо доказывающихъ, по